

О.Б. Наумова

**КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ:
ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ
И МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ***

На рубеже 1980–1990-х годов в мире проживало более 9,4 млн. чел. казахов¹, из них 8136 тыс. (1989 г.) – в Советском Союзе. Таким образом, казахская диаспора в это время насчитывала более 1,3 млн. чел., или 12% от общей численности казахов. Основная часть казахской диаспоры сосредотачивалась в Китае (1150 тыс.), Монголии (125 тыс.), Афганистане (40 тыс.), Турции (25 тыс. чел.)².

Формирование казахской диаспоры в новое и новейшее время происходило в основном двумя путями: или проведение государственных границ отделяло часть народа и затрудняло ее общение с основным этническим массивом, или же часть казахских племен по разным причинам откочевывала далеко за пределы Казахстана и теряла связь со своим народом. Так, во второй половине XIX в. после установления русско-китайской границы часть казахов, издавна имевших зимовки на территории бывшей Цинской империи, оказалась в подданстве Китая. Впоследствии, в 1916 г. после подавления антиколониального восстания и в 1932–1934 гг. во время раскулачивания, коллективизации и голода некоторые казахские роды откочевали из Казахстана в Синьцзян и приняли китайское подданство³. В Афганистане казахи появились в конце 1920 – начале 1930-х годов, также спасаясь от коллективизации и вызванного ею голода⁴. В Турции казахская диаспора существует с начала 1950-х годов, сформировавшись из беженцев из Синьцзяна через Пакистан и Кашмир, а также из беженцев 1970-х годов из Афганистана⁵. Часть их, видимо, осела в Иране. В 1960-х годах в результате трудовой миграции из Турции казахи стали переселяться в некоторые страны Западной Европы (наиболее многочисленные группы в Германии, Франции и Швеции), а также в США⁶.

Казахи в Советском Союзе, проживая в основном в Казахстане (6535 тыс., или 80,3% всех казахов СССР), расселились и в приграничных с ним республиках – Узбекистане (808 тыс.), России (636 тыс.), Туркмении (88 тыс.), Киргизии (37 тыс.)⁷. Казахи, жившие на сопредельных с Казахстаном территориях в пределах СССР, диаспорой по существу не были: административные границы республик с этнографическими границами в данном случае не совпадали.

После распада СССР и образования на месте союзных республик независимых государств с действующими государственными границами возникло сразу несколько казахских диаспор. Судить об их численности в настоящее время довольно сложно. Со времени обретения независимости правительство Казахстана осуществляло программу помощи переселению казахов на территорию государства. При отсутствии переписей населения в новых среднеазиатских государствах можно лишь предполагать, что в связи с этим число проживающих в них казахов сократилось. По данным казахстанской статистики, в 1991–1994 г. в Казахстан переселилось 122 тыс. казахов, 56,9 тыс. из них – из стран СНГ (кроме России). Сокращается численность казахской диаспоры и в странах дальнего зарубежья. За этот же период в Казахстан прибыло из Монголии 21 тыс. казахов, из Ирана – 3,7 тыс., из Турции – 1,9 тыс.⁸ Об этом же говорят и оценочные показатели численности за 1998–1999 гг.: казахское население Казахстана увеличилось до 8,4 млн. чел., а в Монголии сократилось до 97 тыс.⁹ Число казахов в Китае, по некоторым сведениям, возросло до 1,5 млн. (1996 г.)¹⁰.

Численность казахов в Российской Федерации, по последней переписи 1989 г.,

* Исследование проведено при финансовой поддержке фонда «Открытое общество», RSS OSI/HESP, грант № 423/1997.

составила 635 865 чел.¹¹, по оценкам лидеров национальных казахских обществ, сейчас в России насчитывается около 700 тыс. казахов. Некоторые демографы оценивают современную численность российских казахов в 585 тыс. чел.¹² Думается, что информация национальных лидеров ближе к истине. Так, по данным Госкомстата Казахстана за 1994 г., Казахстан в миграционном обмене с Россией терял свое казахское население¹³. Приводимые в нашей статье сведения также подтверждают рост численности казахов в России.

Казахская диаспора в Российской Федерации – одна из крупнейших в мире¹⁴. Ее отличительной чертой является тесная связь с основным этническим массивом казахов, по сути дела казахское население России – это казахи, живущие по границам своего этнического ареала. Наиболее многочисленно казахское население Астраханской (126,5 тыс.), Оренбургской (111,5 тыс.), Омской (75,0 тыс.), Саратовской (73,4 тыс.), Волгоградской (41,5 тыс.) областей¹⁵.

Наше исследование, посвященное этническому самосознанию российских казахов и их миграционному поведению после распада СССР, основано на полевых материалах, собранных в июне 1998 г. в Оренбургской (г. Орск, Домбаровский р-н, районный центр Домбаровский) и в Саратовской областях (Новоузенский р-н, районный центр Новоузенск, д. Петропавловка). Важные сведения для понимания этнокультурной и миграционной ситуации в обследованных областях получены во время бесед с экспертами – председателями комитетов по национальным отношениям при областных администрациях, начальниками миграционных служб разных уровней, районных отделов занятости, руководителями районных администраций и лидерами национальных казахских обществ, центров и ассоциаций. Статистические данные по миграциям и этническому составу населения получены в миграционных службах и отделах занятости, в районных отделах внутренних дел (РОВД), извлечены из похозяйственных книг сельсоветов.

По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Оренбургской обл. проживало 2170 тыс. чел., из них 5,1% казахов (111 477 чел.), в городах казахи составляли 2,2% населения, а на селе – 10,5%¹⁶. В приграничных с Казахстаном районах области казахи более многочисленны. В 1989 г. в Первомайском, Соль-Илецком, Беляевском и Акбулакском районах они составили 22–25% населения, в Адамовском р-не – 31,2%, в Домбаровском – 41,5%, в Ясненском – 52,5%¹⁷. В Саратовской обл., по данным переписи 1989 г., проживало 2684 тыс. чел. из них 2,7% казахов (73 428 чел.). В городах казахи составили 1,0%, в сельской местности – 7,7%¹⁸. Здесь также в приграничных районах доля казахов более значительна: в Дергачевском и Озинском – более 19%, в Новоузенском – 21,7%, в Александров-Гайском – 45,3%.

Формирование групп домбаровских и новоузенских казахов имеет много общих черт. Обе группы гетерогенны – состоят из множества родоплеменных подразделений: в Домбаровском р-не живут казахи *Младшего жуза* (крупного родоплеменного объединения) рода *жагалбайлы*, родовых подразделений *есен*, *бескурек*, *аккожа*, *шубаратты*, *борматый*, *Среднего жуза* племени *аргын*, родов *канжигалы*; в Новоузенском р-не расселены представители Младшего жуза, родов *жаппас*, *даумшар*, *елтеке*, *костанбал*, *толенгут*. Кроме местных казахов, живущих в этих местах 200–300 лет, в конце 1920 – начале 1930-х годов во время коллективизации и голода в Казахстане на территорию Домбаровского и Новоузенского районов прикочевали казахи разных подразделений Младшего и Среднего жузов. Обе группы имели длительные контакты с русским населением: до революции казахи жили по соседству с русскими (а в Домбаровском р-не и с украинцами), но в разных поселениях. В русских деревнях селились лишь наемные работники и пастухи. Но с 1930-х годов в этих местах стали формироваться колхозы со смешанным в национальном отношении составом населения. Наконец, в обеих группах различаются сейчас местные казахи (жившие на территории района до распада СССР) и казахи-переселенцы последних 5–7 лет, продолжающие прибывать из приграничных районов Казахстана.

Отмеченные особенности формирования обследованных казахских групп наложили

ощутимый отпечаток на их современное этническое самосознание: в нем мы выделяем родоплеменной, локальный и общекзахский уровни¹⁹.

Родоплеменное сознание в настоящее время у российских казахов выражено весьма слабо²⁰. Как правило, казахи всех возрастов знают название своего мелкого родового подразделения *ру*, однако очень немногие представляют себе родоплеменную структуру казахов в целом и место в ней своего «ру». Молодежь подчас не знает не только своего жуза, но не имеет понятия о существовании жузов вообще. Иногда и старики неверно называют свой жуз. Некоторые из них в беседах с нами признавались, что никогда раньше не интересовались этими вопросами и только сейчас стали собирать сведения о своем родоплеменном происхождении.

Лишь единицы знают своих предков до седьмого поколения. Когда руководительница Казахского национального центра из Новоузенки собирала материал для проведения конкурса на знание традиций своего народа, она не смогла найти ни одного старика-казаха, который обладал бы такими сведениями. В связи с этим утеряны представления об экзогамных запретах: некоторые считают, что можно жениться и выходить замуж внутри своего «ру», другие, напротив, что представители даже одного племени (например, аргыны) не могут вступать в брачные отношения между собой. Как то, так и другое мнение не соответствует традиционным представлениям казахов: по традиции, не могут вступать в брак представители одного рода, состоящие в родстве менее чем в седьмом колене (вот почему, в частности, для казахов важно было знать предков до седьмого поколения).

Сегодня российские казахи не ощущают жизненной необходимости в знании родоплеменной структуры. Все члены одного «ру» по-прежнему считаются родственниками, однако реальных родственных связей, предполагающих взаимные обязательства, взаимопомощь и т.п., между ними не существует. Исчезло понятие «старшинства» рода, стариков во время пира (тоя) рассаживают «по старшинству» не рода, а возраста. И в Домбаровском, и в Петропавловке существуют «родовые» кладбища казахов, на которых хоронили представителей определенных родов. В настоящее время они утрачивают свой «родовой» характер, постепенно превращаясь в территориальные.

Характерно в этой связи, что большинство ответов как молодых, так и старых казахов на вопрос, почему надо знать свой «ру», сводилось к тому, что «когда спросят, надо ответить, а то неудобно». Лишь в одном ответе приводилась оригинальная аргументация: «Для чего нужно ру свой знать и язык? Пока здесь все спокойно, а вдруг что начнется? (Ведь на Северном Кавказе, в Чечне были конфликты.) Вдруг казахов будут выселять в Казахстан». Этот ответ подразумевает, что в России казахи могут и не знать свой род (и язык), в Казахстане же этому придают большое значение, и тот, кто не будет иметь таких знаний, не сможет вписаться в казахское общество Казахстана. Такую ситуацию подтверждает и информация, полученная от русских, приехавших из Казахстана. По их мнению, в Казахстане существует «клановость», которая последнее время «активизируется», у российских же казахов этого нет, «поэтому наши казахи там не приживаются»²¹.

В последние десятилетия начался процесс возрождения утраченных традиций в их «фольклорных», вторичных формах, усиленный после распада СССР в связи с созданием национально-культурных обществ и центров. Возник интерес к генеалогическим связям. Например, председатель домбаровского общества «Казак тиле» составляет схемы казахских жузов и родов, делает многочисленные копии, раздает старикам. В казахском классе одной из домбаровских школ висит чертеж генеалогического древа казахских родов. Распространены ксеро- и фотокопии схем родоплеменной структуры казахов и среди новоузенских казахов. Однако, не подкрепленная практической необходимостью, эта деятельность пока ощутимых результатов не дала и положение остается таким, как мы его описали.

Локальное самосознание обследованных групп казахов ярко проявляется при сравнении ими себя с казахами, живущими в государстве Казахстан. В первую очередь

российские казахи обращают внимание на владение родным языком. Казахский язык, на котором говорят казахи Домбаровского и Новоузенского районов, – бытовой язык, литературного казахского они в подавляющем большинстве не знают, читать и писать по-казахски не умеют. Поэтому, в частности, в Домбаровском р-не пришлось прекратить выпуск районной газеты и радиопередачи на казахском языке. Языковая ситуация в казахских семьях следующая. Если в семье живет пожилой человек старше 60 лет, то в семье звучит казахская речь: молодые родители говорят со своими детьми по-русски, а с пожилыми родителями – по-казахски. Нередки случаи, когда старики обращаются к молодым на казахском, а получают ответ на русском, обращаются к внукам по-казахски, а те их не понимают. В ходе социологических опросов в Оренбургской обл. лишь 26,5% казахов назвали язык среди факторов, более всего объединяющих нацию, хотя 80% опрошенных назвали его родным²².

Вытеснение казахского языка русским началось давно, с формированием национально-смешанной среды обитания казахов. Определенным рубежом в этом процессе стало закрытие в 1960-е годы школ с преподаванием на казахском языке. Эта акция, по словам наших информаторов, не была насильственной, а отражала сложившуюся ситуацию: родители не хотели отдавать своих детей в казахские школы, так как предполагали, что те будут продолжать свое обучение в вузах на русском языке. Теперь те же люди выражают сожаление по этому поводу, ибо для их внуков родным стал русский язык.

С начала 1990-х годов стали предприниматься попытки повернуть ситуацию вспять – в школах формировались классы с преподаванием на казахском языке и проводились факультативные занятия по его изучению. Однако жизненной необходимости в знании языка казахское население по-прежнему не испытывает, поэтому со спадом волны энтузиазма, вызванного подъемом национального самосознания в конце 1980 – начале 1990-х годов, снижается и интерес к изучению родного языка. Так, в районном центре Домбаровский в 1990–1991 гг. факультативы по изучению казахского языка посещали до 800 учащихся, к сегодняшнему дню их число снизилось до 300 чел. Родители-казахи не стремятся отдавать своих детей в казахские классы, опасаясь, что вследствие чрезмерной нагрузки дети будут отставать по основным предметам²³. По словам учителя казахского языка Домбаровской школы № 2 К.М. Мирмановой, факультатив их школы работает для 2–11-х классов 2–3 раза в неделю. Посещают его 80 чел. из 613 учащихся школы. Некоторые родители действительно забирают детей из-за большой нагрузки (факультатив работает по окончании всех уроков), но сами дети очень хотят учиться и некоторые даже тайно от родителей ходят на занятия. Учительница оценок не ставит и уроков на дом не задает, что, конечно, сказывается на качестве обучения, так как в семьях Домбаровского по-казахски не говорят и все полученные знания быстро теряются. Недостатка в учебниках нет, получают их из Алма-Аты. Большие трудности с подбором учителей (замену себе она не может найти уже несколько лет). Учителей казахского языка выпускает Орское педучилище, однако знания выпускников, по оценке А.Е. Саурамбекова, председателя казахской организации Орска «Уркер», присутствовавшего на выпускных экзаменах, крайне низки. Такие же проблемы с изучением казахского языка, по информации наших респондентов, испытывают преподаватели факультативов и в Александров-Гайском и Новоузенском районах Саратовской обл. В менее крупных селах, например в Петропавловске Новоузенского р-на нет даже факультативов казахского языка.

Плохое знание казахского языка является основным признаком, по которому казахстанские казахи отличают «российских». Даже пожилые российские казахи, хорошо владеющие родным языком, говорят с акцентом, что, по мнению казахстанских казахов, выдает их российское происхождение. Все наши информаторы утверждают, что могут по языку различить казахстанских и российских казахов, причем не столько по диалектальным особенностям (отмеченным, кстати, многими респондентами), сколько по степени владения казахским и русским языками (казахстанские казахи, приехавшие из сельской местности, плохо знают русский язык).

Еще труднее сохранить свой родной язык городским казахам. Они используют казахский лишь в семейном быту при общении с пожилыми родственниками. Даже в семьях руководителей национальных казахских обществ и в Оренбурге, и в Саратове разговаривают по-русски, а дети не знают казахского. В Орске казахской культурно-просветительской организацией «Уркер» был проведен опрос об отношении населения к открытию школы с преподаванием казахского языка. 55% из 300 опрошенных казахских семей отнеслись к этому отрицательно: «Зачем нам это надо, дети в Казахстане не будут учиться, им русский нужен». Вот как оценивает ситуацию председатель Оренбургского областного казахского общества «Казак тиле» А.М. Искязиев: «Основной фактор национальной принадлежности – язык. Сейчас мы находимся на пороге его полного исчезновения... Теперь уже полное незнание родного языка никого не удивляет – это реалии сегодняшнего дня»²⁴.

Другой важной шкалой, в рамках которой российские казахи противопоставляют себя казахстанским, является шкала, ограниченная понятиями «традиционное – современное». «Мы более свободны в одежде, в поведении», – говорили наши сельские информаторы. По мнению российских казахов, у них более демократичные отношения в семье, чем у казахстанских казахов: не соблюдаются обычаи избегания между свекром и невесткой, можно называть старших родственников мужа их собственными именами и т.п., упрощаются отношения между старшими и младшими. В то же время старики жалуются: «У нас обращение друг с другом грубое стало, не так как положено. Говорим друг другу "Аман" – "Привет", даже молодежь – старшим, а там, в Казахстане – "Салам алейкум". Молодежь старших не уважает». Утрачиваются традиционно крепкие у казахов внутригрупповые связи: «Не знаем, где кто живет, к соседям не ходим, чем занимаются не знаем. Раньше дня не пройдет, чтобы к соседу не прийти. "А! Заходи, чай, угощение тебя давно ждут". А сейчас придешь: "Что надо?" Поведение у нас, как у русских», – резюмирует один из информаторов.

Особенности поведения проявляются и в мелких, но значимых для традиционного сознания деталях, – например, в неприемлемой для казахстанских казахов привычке российских казахов наливать гостю полную чашку чая. Иногда такие мелочи поведения не осознаются, но чувствуются, особенно молодыми казахами. Как говорила нам одна двадцатипятилетняя российская казашка о казахстанских казахам: «Повадки у них какие-то не такие». Показательны в этом отношении и отдельные элементы культуры, особенно одежда. Все молодые казашки сказали, что смогли бы отличить по одежде российских от казахстанских казашек именно потому, что последние одеваются и причесываются более традиционно.

Отметим, что сложившийся у российских казахов этнический стереотип казахстанских казахов не всегда соответствует действительности, но он очень существен для их самосознания. Например, молодые казашки и в Казахстане, особенно в многонациональных районах и в городах, одеваются по моде. То же касается и владения родным языком. По нашим наблюдениям 1980-х годов, среди казахов многонациональных северных районов Казахстана, которых так же, как и российских, называли «обрусевшими», языковая ситуация была примерно такая же, как в России²⁵. Дело в том, что российские казахи, как и казахи Северного Казахстана выбирают для сравнения некий «эталон казахского», связанный прежде всего с традиционной культурой и психологией. Хотя этот эталон в определенной степени существует в воображении информаторов, но он находит частичное подтверждение и в реальной жизни. Так, казахи многонациональных районов Казахстана сравнивали свою группу с казахами однонациональных районов в своей же области, о жизни которых они обычно были хорошо осведомлены, и которые действительно лучше них сохраняли традиционную культуру и язык. Наши информаторы в 1980-х годах считали этих казахов «настоящими», и их культуру в отличие от своей тоже «настоящей» казахской. Для казахов Павлодарской обл. Казахстана таким эталоном казахской культуры служила жизнь казахов Баянаульского района, для семипалатинских казахов – группы казахов Абаевского р-на²⁶. Так же и российские казахи, сравнивая себя с подобными группами

казахов, создают портрет «идеального» казаха, приписывая ему как реальные, так и воображаемые черты, и экстраполируют его на казахов всего Казахстана. Заметим, что если до распада СССР этническое развитие российских казахов и казахов в многонациональных районах Казахстана шло в одном направлении, что формировало сходные характеристики их этнического самосознания, то в настоящее время, особенно в связи с языковой политикой Республики Казахстан, вероятно, через определенное время можно будет говорить о «казахизации» последних (этот вопрос требует отдельного исследования) и, следовательно, о формировании языковых и этнокультурных различий этих двух групп.

В целом российские казахи более европеизированы, а казахи Казахстана (особенно в однонациональных казахских районах) в большей степени традиционны. Осмысливая это явление, российские казахи, живущие в селах, формируют положительный автостереотип, компенсируя утрату традиционной культуры позитивной оценкой вновь приобретенных ценностей. Они называют себя «современными», «культурными» казахами, противопоставляя «чистым», «строгим» казахстанским казахам, причем понятие культуры у них связывается с западной культурой: «Еще наши деды предупреждали: "Запад и Восток не смешивай, плохо будет" – культура с бескультурьем, что хорошего будет?... мы с русскими живем, более культурные».

Аналогичные автостереотипы складываются у российских казахов-горожан: «Казахи России – более напористы, деловиты, развиты культурно, чем казахи в Казахстане. Получившие здесь образование в Казахстане устраиваются хорошо – по деловым качествам, и образование российское ценится». В то же время «российские казахи очень разобщены, менталитет такой».

Частичная языковая русификация и постепенное усвоение европеизированных стереотипов поведения привели к появлению некоего подобия этнонима «обрусевшие казахи». Так называют обследованные группы казахов самих себя, так, по их словам, называют их в Казахстане, так же называют их местные русские в отличие от «чистых» казахстанских казахов. Вот типичное высказывание такого рода: «Мы – обрусевшие казахи. Среди русских давно живем, как русские стали. Обычай свои не соблюдаем, язык не знаем. Мои дети говорят по-русски» (73-летний информатор, районный центр Домбаровский). «Мы уже на 60% русские». Иногда употребляется термин «российские», так любят называть себя казахи-бизнесмены, часто так называют себя городские казахи, не раз приходилось слышать этот вариант в сельской местности.

Для нашей темы важно отметить, что сложившиеся стереотипы обуславливают несколько настороженное отношение российских сельских казахов к жизни в Казахстане. Они считают, что их неполная включенность в родоплеменные структуры и традиционное общество, незнание языка создадут им вполне определенные трудности. Российские казашки по этим причинам не стремятся выходить замуж за казахстанцев, живущих в сельской местности, но такие случаи, конечно, есть. По мнению одного из информаторов, «тяжело там местным казашкам, но привыкают». Городские казахи считают, напротив, что их деловые качества, отсутствие коллективистского мышления, традиционного «почтения» к начальству дают им преимущества перед казахстанскими казахами, но только в городах. Поэтому переезд в северные казахстанские города, в частности наиболее европеизированный Уральск, их не пугает. Все упоминавшиеся нашими информаторами немногочисленные случаи миграций российских казахов в Казахстан были связаны именно с Уральском.

Локальное самосознание российских казахов основывается не только на противопоставлении себя казахстанским казахам, но и на осознании своей территории расселения как «родной земли». Наши информаторы всегда подчеркивали, что здесь жили их предки, расположены родовые кладбища. (Символическим подтверждением для домбаровских казахов этого факта стало установление в Домбаровском р-не памятника-стелы местному историческому герою Тотай-Батыру, жившему тут 250–300 лет тому назад.)

Общеказашское самосознание выражается в том, что, несмотря на процессы европеизации и русификации, никто из российских казахов не сомневается в своей принадлежности к казахскому народу. Именно на общеказашское самосознание опираются многочисленные национальные казахские общества, которые стали возникать с начала 1990-х годов и продолжают организовываться в настоящее время. В Оренбурге существует 3 национальных казахских общества: «Казак тиле», «Казахи Оренбуржья» и культурно-национальная автономия (КНА), в Орске – культурно-просветительская организация казахов «Уркер», в Саратове – Ассоциация поволжских казахов. В Домбаровском действует отделение общества «Казак тиле», в Новоузенске – казахский национальный центр²⁷.

Важным направлением работы казахских национальных обществ является возрождение казахского языка. Национальные общества в сельской местности и в городах ставят перед местной администрацией вопрос об открытии факультативов или дополнительных классов казахского языка, помогают в обеспечении школ учебниками и учебными пособиями, проводят семинары учителей казахского языка и т.п. Как было описано выше, поддержка населения в этом вопросе проявляется больше на словах, чем на деле.

Городские казахские общества регулярно организуют проведение национальных праздников в городах и районах области. В Оренбурге они еще и активно участвуют в выборах городской и областной администрации, и некоторые руководители общества заслужили упреки в том, что создали свои объединения в предвыборных целях. Орское общество «Уркер» провело крупномасштабные празднования 150-летия писателя Абая Кунанбаева и 100-летия писателя Мухтара Ауэзова, в ближайшем будущем собирается восстановить в Орске памятник на месте встречи (в 1731 г.) казахского хана Абулхаира и обер-секретаря Сената, руководителя Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова, где Абулхаир получил грамоту Анны Иоанновны о принятии казахов в подданство России.

Саратовская ассоциация, созданная в 1997 г., организовала в 1998 г. празднование Наурыза и Курбан-байрама. Вот как было, например, отмечено 100-летие Мухтара Ауэзова в Орске. Приехало 120 гостей-казахов из Тюменской, Челябинской, Омской и других областей России, где живут казахи, а также из Казахстана. В мечети была прочитана молитва, затем празднование продолжилось в парке, где было поставлено 13 юрт с национальным убранством и национальными блюдами. Из Домбаровского р-на для развлечения детей привезли верблюда с верблюжонком. Во время празднования были проведены совещания руководителей областей, подписаны договоры о сотрудничестве между областями.

Подобные праздники, но меньшие по масштабам, проводят и сельские общества. Особенно распространено в настоящее время торжественное празднование Наурыза – Нового года, согласно старинной традиции, укоренившейся в мусульманском мире. Он стал общеказашским символом, и его отмечают даже там, где раньше традиционно не праздновали, например в Новоузенском р-не. До Петропавловки официальный Наурыз еще не дошел, там по-прежнему отмечают местный праздник *курсерт айт*, а «Наурыз – это в Казахстане», – говорят местные казахи.

Сами казахи относятся к таким мероприятиям как к развлекательным зрелищам. Им приятно посмотреть на юрту, отведать национальных блюд – «это ведь наше, национальное», но активного участия в подготовке этих праздников они не принимают. По признанию одной молодой казашки, «нас и не слышано. Праздники татары организуют. Они активные. У нас на праздниках от силы 2–3 номера, и то приезжие (казахи из Казахстана) делают».

Все общества стремятся к возрождению традиционной казахской культуры, точнее сказать к символическому выражению ее возрождения. В качестве таких символов общеказашской культуры выступают Наурыз, юрта, некоторые элементы одежды – например, женская бархатная безрукавка и т.п. Все они используются только на мероприятиях культурно-национального характера. «Вторичность» и «фольклорность»

Группа мигрантов	Число мигрантов, чел.	
	1990	1996
Выбывшие из России в Казахстан	102 833*	38 350*
Прибывшие из России в Казахстан	115 356**	31 888**
Выбывшие из Казахстана в Россию	139 799**	138 693**
Прибывшие из Казахстана в Россию	157 401*	172 860*

Примечание. Таблица составлена по кн.: Население и условия жизни в странах содружества независимых государств. Статистич. сборник. М., 1998. С. 52, 67.

* Данные статистической службы России.

** Данные статистической службы Казахстана.

этих культурных форм делают их необязательными в реальной жизни казахов, основные проблемы которой сосредоточены, как, впрочем, у людей любых национальностей, вокруг семьи, получения образования и работы.

Религиозная идентификация – важная составляющая общеказахского самосознания российских казахов. Для простых людей, не углубляющихся в тонкости соотношения конфессионального и этнического, этнимом «казах» подразумевает «мусульманин», а мусульманские праздники традиционно считаются казахскими. Современное, характерное для многих народов России религиозное возрождение затронуло в основном людей средних возрастов. Восстанавливаются и строятся мечети. В Домбаровском планируют построить мечеть, но нет денег, в Новоузенске под мечеть приспособили бывшую столовую. Многие пожилые казахи, ранее не постившиеся и не читавшие намаз, теперь стали исполнять религиозные обряды. Однако молодые казахи, по нашим наблюдениям, в меньшей степени вовлечены в этот процесс.

Таким образом, иерархию современного этнического самосознания российских казахов можно представить в виде шкалы убывающих по значимости самоопределений в следующем виде: казах – российский казах – мусульманин – родовое подразделение²⁸.

Эволюция этнического самосознания казахов к настоящему времени во многом объясняется реалиями советского периода. Не требует комментариев ослабление религиозной самоидентификации. Усиление общеказахского самосознания во многом связано существованию Казахской ССР в составе Советского Союза с системой привилегий для национальных кадров как необходимой составляющей национальной политики в СССР. Играет свою роль и общеисторический процесс перехода от традиционных доиндустриальных обществ к урбанизированным, индустриальным, сопровождающийся модернизацией и унификацией культуры, отмиранием традиционных институтов, в частности связанных с родоплеменными делениями, стиранием этнокультурных различий между территориальными и родоплеменными группами.

Миграционное поведение российских казахов в какой-то мере может служить примером проявления их этнического самосознания. К сожалению, получить данные о реальной миграции как российских казахов в Казахстан, так и казахстанских казахов в Россию практически невозможно. Большая часть казахов не заявляет о своем отъезде или приезде, уезжая-приезжая «погостить к родственникам» и не регистрируясь ни в каких миграционных службах. Однако судить о направленности миграционных потоков вполне возможно.

Опубликованные обобщенные данные по миграциям из России в Казахстан и обратно, к сожалению, не имеют дифференциации по национальностям, причем данные национальных статистических служб России и Казахстана несколько различаются.

Данные таблицы свидетельствуют, что в последние годы миграционный поток из Казахстана в Россию в 4–5 раз превышает число мигрантов из России в Казахстан и что этот миграционный поток не иссякает, а, по данным России, увеличивается. Число же перемещающихся из России в Казахстан снизилось в 3–4 раза.

Общие цифры официальной областной статистики таковы. В Оренбургскую обл. с 1 января 1992 г. по 1 апреля 1997 г. прибыло 63,2 тыс. беженцев и переселенцев²⁹. Доля переселенцев из Казахстана в миграционном потоке неуклонно возрастает, с 1994 по 1998 г. она увеличилась с 34 до 60%, 70% из них – русские³⁰. Казахи, зарегистрированные в общем потоке мигрантов, составили, например, в первом полугодии 1996 г. 3%³¹, или 119 чел.³². В целом, по нашим оценкам, с 1992 г. до настоящего времени официально прибыло в Оренбургскую обл. около 2 тыс. казахов.

В Саратовской обл., по данным Миграционной службы, с 1992 по 1997 г. включительно было зарегистрировано 50 533 беженцев и вынужденных переселенцев из них 7263 (14,4%) чел. из Казахстана. Казахи, по данным официальной статистики, составляли около 0,4% от всех беженцев и переселенцев области³³, т.е. также около 2 тыс. чел.

К сожалению, эти цифры не показывают действительной картины переселений казахов. Более приближены к реальности сведения отделов внутренних дел, где прибывающие и убывающие граждане должны регистрировать свое место жительства в паспорте. Обобщенными данными районные отделы внутренних дел не располагают, владея только текущими сведениями. Так, в июле 1998 г. в Домбаровский р-н Оренбургской обл. прибыло казахов в 2 раза больше, чем выбыло. Местные казахи переселялись в г. Орск, а прибывающие казахи из Казахстана расселялись в сельской местности.

Данные похозяйственных книг могут дать более подробную картину миграций казахов, но только выбывающих из населенных пунктов, так как в них, как правило, отмечаются пункты выбытия жителей. К сожалению, вновь прибывшие никак не отмечаются. Материалы похозяйственных книг по с. Прибрежное Домбаровского р-на (850 чел., 75,5% казахов) показывают, что за 1992–1995 гг. из села выехало 6,6% казахов, из них 19,5% – в крупные города России (Челябинск, Кемерово, Орск), 36,6% – в районные центры Оренбургской обл., 14,6% – в другие села области, у 29,3% место выбытия неизвестно. Таким образом, больше половины казахов переехали в более урбанизированные населенные пункты России. (В последние годы похозяйственные книги ведутся весьма небрежно, в более чем 70% случаев пункт выезда не отмечается.)

Суммируя вышеизложенные данные, можно констатировать, что основной поток миграции российских казахов идет в города и районные центры России, место отъезжающих российских казахов занимают казахи, прибывающие из Казахстана. Полевые материалы подтверждают эту картину.

Все наши информаторы и большинство экспертов подчеркивали, что казахи из России в Казахстан практически не уезжают. Лидеры национальных обществ, тем не менее, и в Оренбурге, и в Саратове говорили об «отъезжающих в свое государство» после образования независимого Казахстана. Однако многие уехавшие, по словам экспертов, вернулись обратно. В настоящее время, по мнению одного из руководителей районной миграционной службы Саратовской обл., российские казахи уезжают в Казахстан «потихоньку», среди них квалифицированные специалисты или богатые («беднота там не нужна»). «Но численности их никто не знает, – подчеркнул он, – так как они нигде не регистрируются». Новоузенские информаторы знали две казахских семьи, уехавшие в Уральск. Еще об одной казахской семье, уехавшей туда же и вернувшейся обратно, рассказывали в Петропавловске. Таким образом, число отъезжающих в Казахстан казахов незначительно.

Начальники миграционных служб разных уровней, с которыми нам пришлось разговаривать, утверждали, что официальные цифры миграции казахов из Казахстана очень далеки от реальности. Так, в Домбаровском р-не в 1996 г. зарегистрировано только четыре семьи вновь прибывших казахов. Они получили статус вынужденных переселенцев, потому что родились в России, а уехали в Казахстан во время освоения целины. Миграционная служба в Новоузенске, обслуживающая четыре района с большим процентом казахского населения, зафиксировала в 1996 г. четырех мигрантов-

казахов, в 1998 г. – одну казахскую семью (3 чел.). О разнице между официальной статистикой и реальными цифрами можно судить по следующему соотношению: по информации председателя комитета по межнациональным отношениям, за первую половину 1998 г. в Оренбургскую обл. официально прибыло 120 казахов, за этот же период только в один районный центр области Ак-Булак поступило 36 рожениц-казашек, перебравшихся из Казахстана. Если считать, что каждая роженица приехала с семьей хотя бы из четырех чел., то один Ак-Булак перекрывает всю официальную иммиграцию казахов по всей области.

В Оренбургской же области 35 районов, из них 7 с казахским населением, составляющим более 20% населения. По самым заниженным оценкам реальная миграция на порядок превышает официальную. Причем о том, что миграционный поток не иссякнет в ближайшем будущем, свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного Информационно-аналитическим управлением администрации Оренбургской обл. 10,4% опрошенных казахов сказали, что их родственники в Казахстане приняли решение о переезде в Россию и готовятся к нему. Еще у 16,7% казахстанские родственники думают об этом, но решение не приняли, или решение приняли, но переезд откладывают по различным причинам³⁴. Среди казахов-мигрантов 50% советуют своим родственникам переехать в Оренбургскую обл., в связи с чем социологи прогнозируют увеличение численности областной казахской диаспоры³⁵.

Факторы миграций как российских, так и казахстанских казахов довольно очевидны. Важнейший из них – экономический. Экономическое положение обследованных районов тяжелое: в упадке сельское хозяйство, закрыты промышленные предприятия. К примеру, в Домбаровском р-не в конце 1980-х годов было 250 тыс. овец, к настоящему времени осталось 41 тыс. В самом пос. Домбаровский было более 10 предприятий (геологическая разведка, лесхоз и пр.), практически все они сейчас закрыты, работы для населения нет.

Однако, по мнению местных казахов, в соседних районах Казахстана экономическое положение еще хуже. В течение нескольких лет не подаются электричество, газ, вода. Колхозы и совхозы расформированы, и люди остались без работы, обнищали. Среди российских казахов ходят рассказы, что в Казахстане, в ближайших к России районах деревья вырублены на дрова, население отапливает жилища кизяком. Как о примере крайней нужды рассказывали, что одну зиму пришлось топить зерном. Корову у казахстанцев можно выменять на газовый баллон. В некоторых поселках ничего не осталось, кроме скота и воды, и т.д. и т.п. Эти сведения известны и домбаровским, и новоузенским казахам, с которыми нам приходилось общаться. Они быстро распространяются по всей казахской общине после того, как кто-нибудь из них побывает у родственников в соседних районах Казахстана. Многочисленные в этих местах русские-мигранты из Казахстана рассказывают о бедственном положении в этой республике.

Таким образом, экономические факторы в целом препятствуют миграции российских казахов в Казахстан; напротив, они являются причиной реальной иммиграции казахов из приграничных районов Казахстана в Россию. Неблагоприятная экономическая обстановка в сельских районах самой России вынуждает наиболее образованную и дееспособную часть казахов, главным образом молодых, уезжать в города, где легче найти работу.

К политическим факторам, способным вызвать миграцию, можно отнести образование независимого Казахстана. Однако, по словам подавляющего большинства наших информаторов и экспертов, это событие не стало причиной сколько-нибудь заметного оттока российских казахов в Казахстан. Лишь лидеры национальных обществ сообщали, что какое-то число казахов в это время уехало в Казахстан («была эйфория – свое государство»), а затем вернулось обратно. Очевидно, что это относится к небольшому числу городских казахов. По сведениям президента Ассоциации поволжских казахов, наметилась миграция казахов из Саратова в Казахстан в конце 1980-х годов. Он связывает это передвижение с подъемом в те годы в Саратове

русского национализма, спровоцированного известными алма-атинскими событиями 1986 г. Однако, по его сведениям, многие из уехавших возвратились обратно по очень характерным причинам: «недостаточное знание языка, менталитет другой – для российских казахов характерна раздвоенность самосознания, проблемы в быту».

Миграционная политика России (которая сводится к сдерживанию миграции) практически не влияет на реальную миграцию казахов из Казахстана и в Казахстан, так как приезжающие и отъезжающие не претендуют на статус беженцев или вынужденных переселенцев и (как было отмечено выше) не регистрируются в миграционных службах.

О значении этнокультурных факторов, в частности этнического самосознания, для миграционного поведения российских казахов уже говорилось выше. От миграции в Казахстан их удерживает осознание себя «обрусевшими», «российскими» казахами, живущими на земле своих предков. Наши информаторы прямо заявляли нам об этом: «Когда Союз распался и образовался независимый Казахстан, ехать туда не собирался. Мы же местные, мы тут с XVII века живем. Я своих детей туда не пошлю. Что там делать, там мы... "обрусевшие"».

Процессы европеизации, или модернизации, культуры российских казахов и отражение этих процессов в их этническом самосознании (ощущение себя «современными», «культурными») является основой для миграции российских казахов из сельской местности в города, из мелких городов – в более крупные. Эти же аспекты самосознания городских казахов России («образованные», «предприимчивые», «деловые», «напористые») делают возможным их переезд в северные города Казахстана, близкие к России по этнокультурной обстановке, где они могли бы иметь преимущества и перед русскими из-за своей этнической принадлежности, и перед казахами в силу своих деловых качеств и уровня образования.

К этнокультурным факторам миграции также можно отнести казахско-русские отношения. И в Домбаровском, и в Новоузенском районах и казахи, и русские подчеркивали, что отношения между ними хорошие, дружественные. У местных русских-старожилов в сельской местности сложился положительный стереотип казахов: «Тут казахи хорошие – гостеприимные, мирные. Давно с ними живем, плохого не видели»; «С казахами тут дружно живем». Казахи и русские приглашают друг друга на свадьбы и другие семейные торжества и праздники, обмениваются угощениями на Наурыз, Пасху и т.п. Однако, несмотря на дружественные отношения, и русские, и казахи сохраняют некоторую дистанцию в общении. Казахи Петропавловки, к примеру, не знают, что местные русские делятся на кулугуров (старообрядцев) и мирских (православных), русские не знают родоплеменной принадлежности местных казахов. В целом же в сельской местности казахско-русские отношения нельзя отнести к факторам, провоцирующим миграцию казахов. Характерно в этой связи, что, по опросам оренбургских социологов, казахи высказывают наименьшую среди всех национальностей области этническую озабоченность, а уровень межнациональной напряженности наиболее низок в районах с преобладанием казахского населения³⁶.

Несколько по-другому складывается обстановка в городах. Социологический опрос 1995 г. в Оренбурге по всем возрастным и национальным группам выявил наличие негативизма по отношению к казахам со стороны русских³⁷. В 1998 г. социологический опрос среди оренбургских студентов показал, что 25% из них отрицательно относятся к межнациональным бракам. Он также обозначил существование «латентной конфронтации между русскими и казахами». Эти группы «чаще остальных ощущают наличие межнациональной напряженности в области». Причинами такой напряженности авторы опроса считают политику Казахстана по отношению к неказахскому населению в этой республике³⁸. Как уже говорилось выше, сегодня более 60% беженцев и вынужденных переселенцев в Оренбургской обл. – выходцы из Казахстана, 70% из них – русские. Многие беженцы рассказывают о притеснениях русских в Казахстане, что влечет за собой ухудшение русско-казахских отношений на бытовом уровне и в самом Оренбуржье. Напряженность казахско-русских отношений является благоприятной почвой

для возникновения различных слухов (например, о закрытии границы с Казахстаном, о возможных акциях казаков против казахов), которые в свою очередь могут послужить причиной конфликтов на национальной почве³⁹.

Такое состояние русско-казахских отношений могло бы стать фактором миграции казахов из Оренбургской обл., особенно из городов (как было сказано выше, небольшой отток казахов был в начале 1990-х годов), однако факторы, удерживающие миграцию, – экономическое положение в Казахстане и этническое самосознание российских казахов – перекрывают отрицательное значение казахско-русских отношений. Кроме того, отрицательное действие этого фактора гасится целенаправленными мероприятиями властей Оренбургской обл. Администрация отслеживает ситуацию в области межнациональных отношений. Существуют Совет национальностей при главе области, комитет при администрации, курирующий межнациональные отношения, информационно-аналитическая служба, проводящая регулярные опросы населения в приграничных районах области. Казахи представлены во властных, производственных и образовательных структурах: при 5,1% в составе населения области (данные 1989 г.) казахи составляют 3,7% среди глав администраций, 1,9% – среди директоров АО (бывшие колхозы и совхозы), 7,8% – среди директоров школ, 2,3% – среди студентов⁴⁰.

В Саратове областная администрация уделяет меньше внимания национальным проблемам. По мнению активистов Ассоциации поволжских казахов, власти взяли установку на местный, саратовский патриотизм, и деятельность национальных обществ воспринимают как угрозу межнациональному согласию. Казахи тут не представлены во властных структурах, что вызывает озабоченность национальных лидеров. Однако они замечают, что казахи и сами пассивны (в Ассоциацию входит всего 15 чел., из них лишь 4 занимаются активной деятельностью). Как уже говорилось, в Саратове в конце 1980-х годов напряженность казахско-русских отношений, переходящая в открытую конфронтацию, вызвала миграцию казахов (с последующей их реэмиграцией).

В целом результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что казахская диаспора в значительной степени интегрирована в российское общество. Российские казахи наравне с представителями других национальностей приспосабливаются к новым рыночным условиям. Среди них есть крупные бизнесмены и в Оренбургской, и в Саратовской областях. В Домбаровском р-не многие казахи ушли из колхозов и совхозов и стали фермерами, причем занимаются не только животноводством, но и выращиванием зерновых. По сведениям руководителя местного общества «Казак тиле», фермеров-казахов гораздо больше, чем фермеров-русских. О том, что казахская диаспора стала органичной частью российского общества, косвенно свидетельствует и практическое отсутствие эмиграции российских казахов в Казахстан после распада СССР и образования независимого Казахстана. В настоящее время российские казахи решают свои проблемы, в том числе национального характера, в пределах России.

Основной этнокультурной проблемой казахского населения России можно считать проблему языка. Процесс утраты родного языка у российских казахов зашел так далеко, что кажется необратимым. Он является составной частью общего процесса аккультурации и русификации российских казахов. Однако угрозы этнической ассимиляции казахов в России, на наш взгляд, не существует. Российские казахи обладают глубоким этническим самосознанием и четкой этнической идентификацией. Интересно, что казахи в Турции также не ассимилируются и считаются «ярко выраженными этническими идентификаторами»⁴¹. И. Сванберг, исследователь турецкой казахской диаспоры, полагает, что принадлежность к родовым группам («потомственные группы» в его терминологии) является основным фактором сохранения казахской идентичности. «Потомственные группы... являются центральным понятием для казахской идентичности в Турции и составляют решающий фактор в сохранении группы», «До тех пор, пока казахи будут способны сохранять понятие о принадлежности к потомственной группе, они смогут сохраниться как изолированная субкультура в

Турции»⁴². Представляется, что для российских казахов такой вывод не будет вполне правомерным. Утрата родоплеменной идентификации действительно ослабляет сплоченность группы (на самом деле это взаимосвязанный процесс — ослабление сплоченности со своей стороны приводит к постепенному забвению своей родоплеменной принадлежности). Однако она не подрывает этнической идентификации, а в чем-то может и усиливать общеказакское самосознание. В то время как для казахов Турции, находящихся в сходной цивилизационной (восточная культура), конфессиональной и языковой среде, их родоплеменное деление приобретает свойства этнического индикатора, казахи России сохранили свою этническую идентификацию в силу противопоставления окружающему европейскому населению, резко отличающемуся от них по антропологическому типу и религии.

Судить о дальнейших судьбах казахской диаспоры в России с позиций сегодняшнего дня довольно трудно, так как, по-видимому, она находится в переходном периоде своего развития. В настоящее время это развитие определяют две противоположные, хотя и взаимосвязанные тенденции: 1) русификация, европеизация этнической культуры, взимое городских, этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения; 2) укрепление общеказакского самосознания, формирование и формулирование национальных интересов лидерами национальных обществ, возрождение этнической культуры в «фольклорных», символических формах. Пока первая тенденция преобладает над второй, однако она может замедлиться в связи с притоком значительного числа казахов-мигрантов из Казахстана, которые не только территориально замещают в колхозах и совхозах российских казахов, подавшихся в фермеры или переехавших в город, но и занимают их прежнюю социальную нишу, вероятно, несколько усиливая традиционализм общей массы казахского населения. Нельзя исключить и вероятность того, что в условиях демократической России казахи переживут эффект третьего поколения, которое сможет сформулировать национальные запросы казахской диаспоры, выработать четкую идеологию национального казахского возрождения и выдвинуть из своей среды национальных лидеров, способных увлечь за собой пассивное пока большинство.

Примечания

¹ Масапов Н.Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. 1992. М., 1993. С. 103–104; Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999. С. 210.

² Народы и религии мира. С. 210.

³ Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994. С. 5–7.

⁴ Казахская диаспора: проблемы этнического выживания. Алматы, 1997. С. 17. В этой книге см. также библиографию о казахах за рубежом СССР.

⁵ См.: *Svanberg I. Kazakh Refugees in Turkey. A study of Cultural Persistence and Social Change.* Uppsala. 1989.

⁶ Казахская диаспора... С. 17–18.

⁷ Масапов Н.Э. Указ. раб. С. 103–104.

⁸ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996. С. 205.

⁹ Страны мира. Справочник. 1999. М., 1999. С. 178, 285.

¹⁰ Казахская диаспора... С. 19.

¹¹ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 8.

¹² Страны мира. Справочник. С. 346.

¹³ Миграции и новые диаспоры... С. 205.

¹⁴ О российских казахах см.: *Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы).* Алма-Ата, 1986; *Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дис... канд. ист. наук.* Л., 1986; *Наумова О.Б. Материалы к изучению этнического самосознания омских и бельгагашских казахов // Полевые исследования Института этнографии.* 1978. М., 1980; *ее же. Формирование специфики хозяйственного уклада казахов Омской области в XIX – начале XX вв. // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах.* М., 1979. Из последних работ: *Октябрьская И.В. Казахи Алтая. История и современность // Этнограф. обозрение (далее – ЭО).* 1997. № 6.

- ¹⁵ Национальный состав населения РСФСР. С. 119, 131, 136, 122, 120.
- ¹⁶ Там же. С.131.
- ¹⁷ Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник № 2. Оренбург, 1996. С. 32–33.
- ¹⁸ Национальный состав населения РСФСР... С. 122.
- ¹⁹ Наумова О.Б. Некоторые аспекты формирования современной бытовой культуры казахов в многонациональных районах Казахстана // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1992. С. 38–42.
- ²⁰ О механизме родоплеменной самоидентификации казахов и ее проявлениях в традиционном обществе см.: Савин И. О категориях группового сознания у казахов кочевников // Вестн. Евразии. 1999. № 1–2. С. 77–91. См. также: Попова Л.Ф. Этническое самосознание казахов во второй половине XIX – начале XX века // Изучение национального самосознания в этнографическом музее. СПб., 1998. С. 44–46.
- ²¹ Отметим, что родовые подразделения продолжают иметь существенное значение у казахов Китая. Они сохранили традиционный образ жизни в большей степени, чем казахи Казахстана. Так, на руководящую должность у них может быть выбран «только лидер наиболее древнего и сильного подрода» и т.п. (Сыроежкин К.Л. Указ. раб. С. 93, см. также с. 98).
- ²² Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России. М., 1998. С. 87, 88.
- ²³ Часть ответственности за снижение интереса к изучению собственных языков в тюркской среде и уменьшению численности школ с преподаванием национальных языков в Оренбургской обл. некоторые исследователи возлагают на областную администрацию. См.: Косач Г. Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства в Оренбургской области // Вестн. Евразии. 1999. № 1–2. С. 188–189.
- ²⁴ Исказиев А.М. Духу Тотаи Батыра // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник № 4. Оренбург, 1996. С. 16.
- ²⁵ Наумова О.Б. Некоторые аспекты... С. 32–35.
- ²⁶ Наумова О.Б. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана: Дис... канд. ист. наук. М., 1991. С. 167.
- ²⁷ Подробнее о целях и деятельности казахских национальных обществ в Оренбургской области см.: Косач Г. Указ. раб. С. 173–174, 178–180.
- ²⁸ О шкале самоопределения среди казахов в середине XIX в. см.: Попова Л.Ф. Указ. раб. С. 52.
- ²⁹ Амелин В. Оренбургская область. Модель этнополитического мониторинга. М., 1997. С. 20; Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник № 6. Оренбург, 1997. С. 49.
- ³⁰ Чаплыгин А.С. Миграционная ситуация в Республике Казахстан // Оренбуржье и Республика Казахстан: приграничные аспекты сотрудничества. Оренбург, 1997. С. 68; устное сообщение председателя комитета по национальным отношениям Оренбургской областной администрации В.В. Амелина.
- ³¹ Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник № 3. Оренбург, 1996. С. 21.
- ³² Амелин В. Указ. раб. С. 20.
- ³³ По сведениям Миграционной службы Саратовской обл. о беженцах и лицах, ищущих убежища, за IV квартал 1997 г.
- ³⁴ Амелин В.В., Виноградова Э.М. Состояние межнациональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбуржья (социологический аспект) // Оренбуржье и республика Казахстан... С.116.
- ³⁵ Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов... С. 205.
- ³⁶ Там же. С. 83–84, 94, 98.
- ³⁷ Амелин В. Оренбургская область... С. 64–65.
- ³⁸ Амелин В. Ориентации и приоритеты студенчества // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6 (17). 1998. М., 1998. С. 36–37.
- ³⁹ Амелин В. Оренбургская область... С. 67.
- ⁴⁰ Там же. С. 25–26.
- ⁴¹ Казахская диаспора... С. 215.
- ⁴² Там же. С. 214, 215.

O.B. Naumova. Kazakh diaspora in Russia: ethnic identity and migratory behavior.

The article is based on its author's field materials collected in the Saratovskaya and Orenburgskaya oblasts in 1998. It considers contemporary manifestations of the clan-tribal, local and all-Kazakh senses of identity among the Russia's Kazakhs. The migration movement of the Russia's Kazakhs to Kazakhstan slows down under the impact of the following two factors: economic and ethnic self-identification, and realization of themselves as the «Russian» Kazakhs. These factors direct the internal migration of the Russian Kazakhs from rural to urban localities.